

МИРА ЛЕ

НИЧЕГО НЕ БЫЛО

Они не перешли черту.
Просто слишком долго
стояли рядом с ней.

Mira Le

Ничего не было

«Автор»

2026

Le M.

Ничего не было / М. Le — «Автор», 2026

Жанр: Психологический роман о близости, которая начинается раньше прикосновения. Она могла сколько угодно повторять себе: «Ничего не было»...Они держали дистанцию.Не переходили черту.Не называли это вслух.Но желание не отменяется молчанием.Не стирается словом «нормально».Не исчезает только потому, что его нельзя доказать.«Ничего не было» — роман о притяжении, в котором нельзя признаться, желании, которое не отменить, и измене, которая начинается там, где ещё нечего предъявить.

© Le M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 Чат	5
ГЛАВА 2 Платье	7
ГЛАВА 3 Какой мужчина!	9
ГЛАВА 4 Не разглядел	11
ГЛАВА 5 Вам можно	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Mira Le

Ничего не было

ГЛАВА 1 Чат

Я искала договор.

Тот самый, по тендеру, который мы закрывали в марте, — мне позвонили из бухгалтерии бывшего работодателя и попросили скинуть номер, если сохранился. Я сказала: посмотрю. Сказала это спокойно, как говорят бывшие сотрудники, у которых всё разложено по папкам и которым не страшно открыть рабочий архив.

Илья на кухне домыл чашку и крикнул:

— Я лёг. Ты скоро?

— Скоро.

Скоро не получилось.

Ноутбук стоял на столе, как стоит чужая вещь — слишком знакомая, чтобы её бояться, и слишком забытая, чтобы открывать без повода. Я его открыла. Логотип компании на заставке. Я почему-то забыла его сменить.

Папка называлась «Рабочее. Не трогать». Так я её назвала в последний день, когда ещё думала, что когда-нибудь захочу всё пересмотреть, а оказалось — наоборот.

Договор нашёлся быстро. Я скопировала номер, отправила бухгалтерии, закрыла письмо.

Нормальная женщина на этом бы остановилась.

В коридоре горел свет — Илья всегда забывал выключить ночник у двери ванной. Я не пошла его выключать. Я открыла соседнюю папку.

Там лежал архив корпоративного мессенджера. Не сам мессенджер — доступ к нему давно закрыли, вместе со всеми остальными правами. Просто ZIP-файл со скучным именем «export_2024».

Я его сохранила в последний день на всякий случай. Номера договоров, старые согласования, контакты.

Тогда это казалось почти техническим действием. У нас доступы отключали не сразу после приказа, а ночью, пакетно, и до полуночи аккаунт ещё жил. Я открыла настройки, нажала «Экспортировать мои данные» — свои чаты, те, где я была участником. Мессенджер собрал архив за пару минут и положил его в загрузки. Потом я перенесла файл в папку «Рабочее. Не трогать» и почти забыла.

Почти.

Я распаковала.

Чатов было немного. Отдел, проекты, бухгалтерия, общий, «обед?», «кто едет на склад». И один — просто фамилия. Его фамилия. Без имени.

Я открыла.

Сообщений оказалось меньше, чем я помнила. За полтора года — может быть, тридцать строк. Я почему-то была уверена, что их сотни.

Сверху было одно из последних рабочих сообщений:

«Посмотрю утром».

Коротко. Без скобки. Без лишнего слова.

Я смотрела на эту точку, и палец завис над тачпадом. Кольцо на безымянном чуть повернулось — не само, я его повернула, не заметив.

Я начала листать вверх.

«Анна, будете сегодня в офисе?» «Если будете — поднимитесь на пятый, есть вопрос по договору». «Документы посмотрел. Спасибо». «Я у себя до шести».

Всё «Вы». Всё с большой буквы. Всё так аккуратно, что если распечатать и показать кому угодно — мужу, юристу, его жене, — никто бы не нашёл, к чему придраться.

Я листала.

«Кофе, кажется, уже остыл»

Скобка. Одна.

Я помнила эту скобку. Я помнила, как стояла тогда в коридоре с телефоном и думала, что «остыл» — это не про кофе, а про меня. Я ответила тогда: «Извините, заходила к Лене». Без скобки. Я почему-то почти никогда не ставила скобки в ответ. Мне казалось, если я поставлю — это будет согласие на что-то, на что меня никто прямо не звал.

Дальше.

И вот здесь — одна строчка, на которой я остановилась.

«Ты сегодня будешь?»

Без обращения. Без «Анна». Без скобки.

Я перечитала её дважды. Потом ещё раз. Формально — три слова. Формально — рабочий вопрос. Я помнила, что ответила тогда: «Буду, Вадим Сергеевич». С отчеством. С «Вы» внутри интонации, даже если в сообщении его не было.

— Аня?

Я вздрогнула. Илья стоял в дверях комнаты, в одной футболке, тёплый со сна.

— Ты ещё работаешь?

— Нет, — сказала я. — Договор искала. Уже отправила.

Я свернула окно. Слишком быстро. Я услышала это сама — как быстро.

— А что тогда смотришь?

— Старые файлы. Так, попало.

Он постоял секунду, посмотрел не в экран — в меня. Потом кивнул.

— Не сиди долго.

— Не буду.

Он ушёл. Я слышала, как скрипнул матрас, как он повернулся к стене.

Я открыла окно снова.

«Ты сегодня будешь?»

Три слова. Я даже помнила, что ответила тогда: «Буду, Вадим Сергеевич». С отчеством. С «Вы» внутри интонации, даже если в сообщении его не было. Я держала дистанцию там, где он её отпускал. Мне казалось, что это и есть моя честность.

Сейчас я не была уверена.

Моя честность работала только в одну сторону. Я держала «Вы» снаружи и точно знала, на каком сообщении он перешёл на «ты» и не вернулся обратно сразу.

Я ни разу не написала ему «ты».

Даже когда хотела.

Я провела пальцем по краю ноутбука. Там была пыль — тонкая, серая, домашняя. Я её стёрла, хотя никто не просил.

Закрыла чат. Не удалила. Закрыла. Папку «export_2024» тоже не удалила. Свернула окно, как сворачивают разговор, который не хочется заканчивать словами.

За стеной Илья что-то пробормотал во сне. Обычное, домашнее, ни к кому. Я подумала, что завтра надо купить хлеб.

Если ничего не было, я бы помнила слова. Может быть.

Но я помнила не слова.

Я помнила, как только что закрыла окно чата, когда муж вошёл в комнату.

ГЛАВА 2 Платье

Тогда всё началось, кажется, с платья.

Я проснулась раньше будильника.

Не на минуту и не на пять — на сорок. Лежала, смотрела в потолок, и потолок был обычный, наш, с трещинкой у карниза, которую мы каждый год собирались замазать. Илья дышал ровно, лицом к стене. Я слушала это дыхание и почему-то думала про шкаф.

Не про работу. Про шкаф.

Про то, что в нём, слева, висит синее платье, которое я надевала прошлой осенью на корпоратив, а потом ни разу. Тонкая ткань, рукав до локтя, ворот круглый, открытый по ключицам. Я поняла, что думаю о нём, и сразу же решила: ну вот, значит, надо встать.

Шкаф открылся с тем же скрипом, что всегда. Слева — рабочее, справа — выходное. Сегодня я заглянула направо.

Я надела платье. Ткань легла на плечи прохладно, потом потеплела от кожи. Зачем-то подумала, что у меня хорошие плечи. Я обычно про свои плечи не думаю.

Серьги — длинные, с тонкой каплей у мочки. Замочек не сразу попал в петлю. Я попробовала ещё раз. Волосы я не стала собирать. Помада — нюдовая, я её называю «никакой». Я нанесла её и тут же стёрла салфеткой почти полностью. Получился оттенок, который не помада, а как будто губы просто такого цвета. Я посмотрела в зеркало и поняла, что именно этого и хотела.

И вот тут мне стало неловко.

— Ты уже встала?

Илья стоял в дверях, в той самой серой футболке, тёплый со сна. Посмотрел сверху вниз — не оценивающе, по-домашнему.

— Ты его давно не надевала.

— Да?

— С прошлого корпоратива, кажется. Я помню.

Он сказал это просто — так говорят про вещь, которую видели много раз. Без подтекста. И именно поэтому стало тяжелее.

— У вас сегодня что-то?

— Нет, — сказала я. — Просто захотелось.

Это было не враньё. И не правда.

— Тебе идёт.

— Спасибо.

Я отвернулась к зеркалу, чтобы поправить серёжку, которую не нужно было поправлять.

— Я чайник поставлю. Тебе кофе?

— Да. Спасибо.

Он ушёл на кухню. Я слышала, как он открыл шкафчик и достал ту самую кружку с отколотым краем, мою. Он всегда наливал мне в эту, потому что я не любила другие. Это было так просто и так привычно, что у меня на секунду сжалось что-то в горле.

Я ещё раз посмотрела на себя в зеркало. Кольцо блеснуло, когда я подняла руку поправить волосы.

«Это для себя, — подумала я. — Я имею право».

Имею. Право.

Эти слова прозвучали не как разрешение, а как защита.

Мой отдел был на четвёртом. Его — на пятом. Я знала, что он этажом выше. Я не собиралась туда подниматься.

Но я надела длинные серьги.

— Ты красивая, — сказал Илья из кухни, не видя меня.

— Спасибо.

В коридоре пахло его шампунем и моим. Я застегнула пальто, нашла глазами своё отражение в тёмном стекле двери. Ключицы было видно ровно настолько, чтобы я подумала: ну ничего же не видно.

И сразу следом подумала: значит, я уже знаю, что там может быть видно.

Это было не для него. Я просто давно не надевала это платье. Я просто оставила волосы распущенными. Я просто взяла длинные серьги.

Я просто зачем-то посмотрела на себя так, будто он уже мог увидеть.

ГЛАВА 3 Какой мужчина!

Я шла через open space с папкой к своему столу. Я несла папку перед собой, чуть прижав к платью, — не потому что нужно было её прижимать, а потому что с утра рука сама нашла это положение и так и шла.

У общего стола стояли Светлана и Марина. Светлана с чашкой, Марина с телефоном.

В этот момент со стороны лестницы вошёл Вадим.

Он шёл навстречу — папка в руке, рукава белой рубашки, телефон в другой руке. Поравнявшись со Светланой, кивнул:

— Светлана Николаевна, доброе.

— Доброе, Вадим Сергеевич.

Он сделал ещё два шага — мимо неё, почти на одной линии со мной. И в эту секунду Светлана, глядя ему в спину, сказала в чашку:

— Какой мужчина.

Сказала не громко и не тихо. Просто констатация, как «дождь идёт».

Он услышал. Это было видно по тому, как изменился шаг — не остановился, а замедлился на полшаге, и за эти полшага успел повернуть голову. Не к Светлане. Ко мне.

Короткий, точный взгляд, не дольше секунды. Не «обвёл глазами всех», не «зацепил по пути». Он проверил: я здесь. Я слышу.

Я смотрела.

Потом он повернулся к Светлане:

— Светлана Николаевна, ну давайте, продавайте меня.

Светлана засмеялась. Марина оторвалась от телефона.

— А кому продавать-то? — сказала Светлана.

И тут Марина — Марина, которая считывает интонации быстрее всех, — посмотрела не на Светлану, а на меня.

— Думаете, Анна купит?

Вадим ответил без паузы:

— Да хоть даром возьмёт!

Сказал весело, легко, в общий смех, как кидают мячик в круг. Никакой сальности. Чистая игра.

Но он смотрел на Светлану, а говорил — мне.

Я это поняла плечами, шеей, тем местом под ключицей, куда упала серьга, когда я повернула голову. Все четверо засмеялись, и я понимала, что трое смеялись просто потому, что было смешно, а четвёртая — это я — потому, что не засмеяться было нельзя.

Я засмеялась чуть позже. На полсекунды.

— Ой, ну всё, — сказала я. С улыбкой, с папкой у платья. — Прекратите.

Это должно было прозвучать как отказ. Получилось как участие.

— Извините, Анна, — сказал Вадим. — Светлана Николаевна меня вынудила.

— Я в чашку говорила.

— Громко в чашку.

Они засмеялись ещё раз. Вадим кивнул общим кивком и пошёл к кабинету директора. Я смотрела ему в спину одну секунду дольше, чем нужно было, и поймала себя на этой секунде, и отвернулась.

Я положила папку в лоток. Села. Открыла почту. Через минуту мимо моего стола прошла Марина и остановилась:

— Ты смешная.

— В смысле?

— Да так.

И ушла.

Я посмотрела ей вслед. Она не обернулась.

То, что только что произошло, заняло двадцать секунд. Если бы кто-нибудь спросил, я бы честно сказала: посмеялись у чайника, обычная глупость. Это было бы правдой по форме. В пересказе вообще ничего не было.

Я перечитала первое письмо. Не поняла. Перечитала ещё раз.

Он повернул голову не к Светлане. Он проверил меня. Снаружи была общая шутка. Внутри — точный бросок в мою сторону, обёрнутый так, чтобы никто не мог предъявить ни одного серьёзного слова. Включая меня.

До этого момента всё было только у меня в голове. «Просто так». «Не для него». «Совпало».

Сейчас он попросил у меня внимания при свидетелях. И я дала ему это внимание — полусекундной задержкой смеха, тем самым «прекратите», лишней секундой взгляда в спину.

И Марина, кажется, что-то увидела.

Я положила руки на клавиатуру и подумала: он хотел моего внимания. Он его получил.

А я впервые за день поняла, что теперь это было не только у меня в голове.

ГЛАВА 4 Не разглядел

К лифту я вышла после обеда.

Я нажала кнопку и встала чуть в стороне. В тёмном металле лифта отражалась я — синее платье, распущенные волосы, папка в руках.

Потом в отражении появилась мужская фигура. Сначала в глубине коридора. Потом ближе.

Я узнала его раньше, чем обернулась.

Вадим остановился за моей спиной — не вплотную, но достаточно близко, чтобы это уже было не просто «тоже ждёт лифт». Я посмотрела на табло. Лифт шёл с восьмого. Медленно.

— Вам вниз? — спросила я.

— Нет.

Я обернулась.

Он стоял с телефоном в руке. Без папки, без стакана. Его кабинет был в другой стороне. Лестница — тоже. Лифт ему действительно был не нужен.

Несколько секунд мы молчали.

Я могла бы отвернуться обратно к дверям. Могла сделать вид, что его «нет» не требует продолжения.

Но я стояла и ждала.

Он посмотрел на меня — быстро, почти неуверенно. Здесь спрятаться было некуда. Только лифт, табло и моё платье в тёмном отражении.

— Я платье не разглядел, — сказал он.

Я не сразу поняла. Вернее, поняла слишком быстро, но не успела выбрать лицо.

— Что?

Взгляд ушёл в сторону, к табло, потом вернулся.

— Красивое.

И сразу пошёл прочь. Слишком быстро. Так уходят люди, которые сказали ровно то, что собирались, но поздно поняли, что теперь это осталось в воздухе.

Лифт приехал. Двери раскрылись. Внутри стояла женщина из бухгалтерии — я знала её в лицо, не по имени. Она посмотрела сначала на меня, потом — короткой секундой — на удаляющуюся спину Вадима. Потом снова на меня.

— Едете?

— Еду.

Я шагнула внутрь, нажала первый этаж и посмотрела на своё отражение в закрывающихся дверях. Женщина стояла рядом, чуть позади, и я знала, что она всё ещё смотрит на меня, хотя смотрела она в свой телефон.

Платье было красивое.

Это было самое неприятное.

Утром я выбирала его перед зеркалом. Днём оказалось, что зеркало было не единственным.

ГЛАВА 5 Вам можно

Тревогу объявили в начале четвёртого. Сначала был короткий гудок, потом голос из динамиков: «Внимание. Объявляется учебная эвакуация».

— Ну вот, как всегда, — сказала Светлана.

Мы вышли по лестнице вместе со всем отделом. На улице было холодно — та осень, когда стоять без движения становится холодно через две минуты.

Наш отдел встал у бокового входа, под козырьком. Я обвела глазами двор и увидела Вадима.

Он стоял у дальнего угла здания с двумя мужчинами из своего отдела. Без пальто, в одной рубашке, руки в карманах. Смотрел в сторону парковки, не на нас.

Но я почему-то знала, что он знает, где я. Это чувствуешь шеей, тем местом, где волосы переходят в кожу.

Через минуту его группа двинулась — по дорожке вдоль здания. Я знала эту траекторию ещё до того, как он сделал первый шаг.

Между нами было метров десять. Восемь. Пять.

Я подняла глаза в нужный момент — то есть в тот, который выглядел случайным.

— Анна, — сказал он, как здороваются на ходу. — Замёрзли?

— Терпимо.

Он сделал ещё шаг. Потом, как будто только что решив, отделился от своих, подошёл вплотную и положил руку мне на плечи.

Это длилось секунду — может, две. Рука легла широко, накрыв оба плеча. Я почувствовала вес ладони через пальто, тепло, идущее не от него — от самой плотности прикосновения. И ещё — масштаб. Я была ему примерно по подмышку. Об этом не думают, пока тебя не обнимут при коллегах.

— Что, даже обнимете? — сказала я.

Сказала с улыбкой, тем тоном, которым шутят при свидетелях.

Он посмотрел на меня сверху. Близо. Слишком близо для этой шутки.

— Да. А тебя нельзя обнимать?

«Тебя».

Он сказал «тебя», как будто это было давно решено. Я открыла рот и услышала собственный голос раньше, чем подумала, что говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.